

МИФЫ. СНОВИДЕНИЯ. МИСТЕРИИ

1959, изд. 1996, выдержки Дятлова Н. С. от 12.04–10.05.2017

«космогония» | «космология» | «Хаос» | «Космос» | «сакральное время» | «мирское время» | «миф»
| «иерофания» | «теофания» | «иерогамия» | «хтоническое» | «теллурическое» | «Небесное»
| «Земное» | «Смерть» | «Небытие» | «Жизнь» | «религия» | «инициация» | «повторение» |
«модель» | «Бог» | «демон» | «традиционное» | «современное»

Предисловие к английскому изданию

1. Фактически, основной темой настоящей работы является встреча и конфронтация двух типов мышления, которые, с целью упрощения, можно назвать традиционным и современным. Первое характерно для представителей архаических и восточных общественных формаций, второе — для представителей современных общественных формаций западного типа.
2. <...> западная культура окажется перед опасностью упадка до стерилизующего провинциализма, если откажется или будет пренебрегать диалогом с другими культурами. Герменевтика — вот ответ человека Запада, единственно возможный разумный ответ на требования современной истории, на тот факт, что Запад вынужден (можно сказать приговорён) встать перед лицом этой конфронтации с «иными» культурными ценностями.
3. К счастью, как я только что упомянул, определенные значительные культурные течения этого столетия — возрождение некоторых религий, аналитическая психология, появление сюрреализма и наиболее передовых направлений в изобразительном искусстве, этнологические исследования и так далее — подготовили почву и, в целом, облегчили понимание психологических установок, которые поначалу казались «неполноценными», «странными» или приводящими в замешательство.
4. <...> эта конфронтация с «Другими» поможет человеку Запада лучше понять самого себя. Усилие, затраченное на правильное понимание образов мышления, отличных от западной рационалистической традиции — усилие, которое, главным образом, будет заключаться в расшифровке значения мифов и символов — окупается значительным обогащением сознания. Верно и то, что современная европейская культура уже имеет несколько методов изучения мира символов и мифов. Достаточно лишь вспомнить терпеливые исследования и рабочие гипотезы, тщательно разработанные психоаналитиками.
5. С некоторой долей уверенности мы можем сказать, что первый систематический анализ и толкование этих «чуждых» миров, бессознательного, из которого проистекают символы и мифы, было проведено Фрейдом.
6. Так как я в первую очередь являюсь историком религий, именно в плане этой дисциплины я и представил в данной книге некоторые результаты работы герменевтиков. Но это не означает, что интерпретация или оценка символов и мифов является прерогативой истории религий.
7. <...> мы не можем преуменьшить значение того факта, что архаические и восточные культуры преуспели в придании положительных ценностей обеспокоенности, смерти, самоунижению и хаосу (обратите внимание на главы VII, VIII, IX). В период кризиса, через который мы сейчас проходим, знание того, каким образом и исходя из каких предпосылок такие различные культуры, как «примитивные» и индийские верования, пришли к приписыванию достоинств ситуациям, которые для современного человека являются лишь ужасающими, абсурдными и демоническими, может стать не только полезным, но и необходимым.

Предисловие к первому изданию

8. В мире сновидений мы снова и снова находим символы, образы, фигуры и события, которые относятся к мифологии. С этим открытием, сделанным благодаря гению Фрейда, психологи-аналитики работали в течение полувека. Величайшим искушением, в которое впали почти все психологи, явилась попытка получения образов и событий мифологии из содержимого и деятельности бессознательного. С определенной точки зрения, психологи были правы. Действительно, можно выделить функцию образов и итоги событий на параллельных уровнях бессознательной активности и религии с мифологией.
9. Миф всегда повествует о чем-то как о действительно происходившем, о событии, которое произошло в полном смысле этого слова — независимо оттого, будь то сотворение мира или самого незначительного вида животного, растения или закона.
10. Не существует мифа, который бы не был раскрытием «тайнства», описанием изначального события, которое устанавливает составляющую часть структуры действительности или тип человеческого поведения. Отсюда следует, что, исходя из самой своей формы существования, миф не может быть ни частным, ни личным, ни персональным.
11. И, наконец, имеется одна очень важная особенность: миф воспринимается всем существом человека; он не адресован лишь его интеллекту или воображению. Когда миф больше не воспринимается как откровение «тайнства», он становится «декадентским», неясным; он превращается в сказку или легенду.
12. Некоторые сделали вывод, вероятно, довольно поспешный, что творения бессознательного являются «сырым материалом» для религии и всего того, что она в себе включает — символы, мифы, обряды и так далее. Но мы только что показали <...>, почему объяснение реальности «сырым материалом», заключенным и предполагаемым в ней, едва ли должно нас останавливать. Сходство персонажей и событий мифа с таковыми уже из сновидений не подразумевает никакой тождественности между ними. Этого трюизма не следует забывать никогда, так как всегда есть искушение объяснить духовную деятельность сведением ее к какому-нибудь «источнику», предшествующему духовному.
13. Нынешний кризис является действительно религиозным, так как на архаических уровнях культуры «бытие» всегда неразрывно со «святым». Для всего первобытного человечества именно религия объясняет сотворение мира. Именно ритуальная ориентация на структуры святого пространства, открываемые в нем, трансформирует Хаос в Космос, а значит и делает возможным человеческое бытие — не дает ему опуститься на уровень животного существования. Любая религия, даже самая простая, является онтологией — она раскрывает «наличие» священных вещей и божественных образов, выделяет «то, что воистину есть», и, таким образом, создает мир, который больше не является мимолетным и непостижимым, как в ночных кошмарах, и не таким, как он всегда становится при опасности погружения существования в «хаос» абсолютной относительности, в котором не просматривается никакого «центра», обеспечивающего ориентацию.

Современные верования

Мифы современного мира

14. Что же такое на самом деле миф? На языке восемнадцатого века «мифом» считалось все, что выходило за рамки «реальности»: сотворение Адама или человек-невидимка, а также история мира, рассказанная зулусами, или «Теогония» Гесиода — все это были «мифы». Подобно многим другим клише эпохи Просвещения и Позитивизма, они также имеют христианское происхождение и структуру, так как согласно примитивному христианству все, что не могло быть оправдано ссылкой на один или другой Завет, было неверным, было «выдумкой». Однако исследования этнологов заставили нас пересмотреть такое семантическое наследие христианской полемики, противостоящее языческому миру. Мы, наконец, начинаем осознавать и понимать то значение мифа, которое было заложено в него «примитивными» и архаическими обществами, то есть теми слоями человечества, где миф является истинной

основой общественной жизни и культуры. И теперь сразу же бросается в глаза следующий факт: в таких обществах считалось, что миф передает абсолютную истину, так как повествует священную историю, то есть стоящее выше человека откровение, имевшее место на заре Великого Времени, в священное время начал *in illo tempore*. Будучи реальным и священным, миф становится типичным, а следовательно и повторяющимся, так как является моделью и, до некоторой степени, оправданием всех человеческих поступков. Другими словами, миф является истинной историей того, что произошло у истоков времени, и предоставляет образец для поведения человека. Копируя типичные поступки бога или мистического героя, или просто подробно излагая их приключения, человек архаического общества отделяет себя от мирского времени и магическим образом снова оказывается в Великом священном времени.

15. Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с полной перестановкой ценностей, в то время как современный язык путает миф с «выдумкой», человек традиционных культур видит в нем единственно верное откровение действительности. С тех пор как было сделано это заключение, прошло немного времени. Постепенно мы перестали настаивать на том факте, что миф повествует о невозможном и невероятном, мы стали довольствоваться утверждением, что он представляет собой образ мышления, отличный от нашего, и что в любом случае мы не должны априорно относиться к нему как к заблуждению.
16. Мы пошли еще дальше, попытались интегрировать миф, рассматривая его как наиболее значительную форму коллективного мышления в общей истории мысли. И так как коллективное мышление ни в одном обществе никогда полностью не отрицается, независимо от уровня его развития, мы не могли не увидеть, что современный мир все еще сохраняет следы мистического поведения: например, принятие всем обществом некоторых символов интерпретируется как сохранение коллективного мышления. Несложно показать, что функция национального флага со всем тем, что он подразумевает, совсем не отличается от «принятия» любого из символов архаических культур. Это все равно, что сказать: в плоскости общественной жизни нет разрыва в последовательной смене архаического и современного миров. Единственное значительное различие заключалось в наличии у большинства индивидуумов, составляющих современное общество, персонального мышления, которое отсутствовало, или почти отсутствовало, среди членов традиционных обществ.
17. Существует даже мнение, что все болезни и кризисы современного общества вызваны отсутствием соответствующей мифологии. Когда Юнг озаглавил одну из своих книг «Современный человек в поисках души», он подразумевал, что современный мир, находящийся в кризисе со времени своего глубокого разрыва с христианством, находится в поисках нового мифа, который позволит ему черпать из новых духовных источников и обновит его созидательные силы.
18. Совсем другое дело с коммунизмом Маркса. Давайте оставим в стороне все вопросы философской обоснованности марксизма и его исторической судьбы и рассмотрим лишь мифологический образчик коммунизма и эсхатологическое значение его популярности и успеха. Что бы мы ни думали о научных притязаниях Маркса, ясно, что автор Коммунистического манифеста берет и продолжает один из величайших эсхатологических мифов Средиземноморья и Среднего Востока, а именно: спасительную роль, которую должен был сыграть Справедливый («избранный», «помазанный», «невинный», «миссионер», а в наше время — пролетариат), страдания которого призваны изменить онтологический статус мира.
19. Фактически бесклассовое общество Маркса и последующее исчезновение всех исторических напряженностей находит наиболее точный прецедент в мифе о Золотом Веке, который, согласно ряду учений, лежит в начале и в конце Истории. Маркс обогатил этот древний миф истинно мессианской иудейско-христианской идеологией: с одной стороны — пророческой и спасительной ролью, которая приписывается пролетариату, и с другой — решающей битвой между Добром и Злом, заканчивающейся решительной победой Добра, что вполне можно сравнить с апокалипсической борьбой между Христом и Антихристом. Действительно,

важно, что Маркс обращает себе на пользу иудейско-христианскую эсхатологическую веру в абсолютную цель истории; и в этом он расходится с другими историческими философами (например, с Кроче, Ортегой-и-Гассетом), которые считают, что исторические напряженности присущи человеческой природе, и поэтому от них никогда нельзя будет полностью избавиться.

20. <...> сравнении с пышностью и бодрым оптимизмом коммунистического мифа, мифология, проповедуемая национал-социалистами, кажется странно несостоятельной; и не только в связи с ограниченностью расового мифа (как можно представить, что остальная Европа добровольно подчинится господствующей расе), а, главным образом, из-за фундаментального пессимизма германской мифологии. В своей попытке отбросить христианские ценности и восстановить духовные истоки «расы», то есть нордического язычества, нацизм был вынужден попытаться оживить германскую мифологию. Но с точки зрения психоанализа, такая попытка была, фактически, приглашением к коллективному самоубийству, так как эсхатон, проповедуемый и ожидаемый древними германцами, был ничем иным, как рагнареком, то есть катастрофическим концом света. Это включало в себя гигантскую битву между богами и демонами, заканчивающуюся гибелью всех богов и всех героев и окончательной регрессией мира к хаосу. Верно, что после рагнарека мир должен был возродиться обновленным (древним германцам также была известна доктрина космических циклов и миф о повторяющихся сотворениях и разрушениях мира). Тем не менее, поменять христианскую мифологию на нордическую означает сменить богатую на утешения и обещания эсхатологию (так как у христиан «конец света» завершает и в то же самое время возрождает историю) на откровенно пессимистический эсхатон. В переводе на язык политики эта замена почти равнозначна словам: *«Оставьте свои старые иудейско-христианские сказки и воспламените в глубинах души верования своих германских предков; затем приготовьтесь к последней великой битве между нашими богами и демоническими силами. В этой апокалиптической битве наши боги, наши герои и с ними мы сами погибнем. Это будет рагнарек, но позже родится „новый мир“»*. Удивительно, как такое пессимистическое видение конца истории смогло зажечь воображение даже части германского народа; и тот факт, что это действительно было так, все еще ставит проблемы перед психологами.
21. Кроме этих двух политических мифов, современное общество, похоже, не имеет других, сравнимых с ними по значимости. Мы рассматриваем миф как тип человеческого поведения, и в то же время как элемент цивилизации, то есть таким, каким он есть в традиционных культурах. На уровне индивидуального восприятия миф никогда полностью не исчезал: он проявлялся в сновидениях, фантазиях, стремлениях современного человека.
22. Похоже, что сам по себе миф, как и символы, которые он приводит в действие, никогда полностью не исчезал из настоящего мира психики; он просто меняет свой аспект и маскирует свои действия.
23. Но время от времени звучат голоса, утверждающие, что современный мир, или уже или еще, не является христианским. Имея в виду поставленную перед нами задачу, нет необходимости касаться тех, кто считает необходимыми «демифологизировать» христианство с целью восстановления истины, составляющей его сущность. Некоторые считают совсем наоборот.
24. Так, например, Юнг полагает, что кризис современного мира в значительной мере вызван тем фактом, что христианские символы и «мифы» больше не воспринимаются всем человеческим существом, что они сократились до слов и жестов, лишенных жизни, закосневших, объясняющихся внешними обстоятельствами и поэтому не играющих никакой роли в глубинной жизни психики.
25. <...> ввиду довольно недавнего открытия, что миф предоставляет определенный образ поведения в мире, не менее верным является то, что христианство благодаря лишь одному тому факту, что является религией, должно сохранять, по меньшей мере, одну мифическую позицию — позицию в отношении литургического времени, то есть неприятие мирского времени и периодический возврат великого времени, *illud tempus* начал.

26. Теперь мы знаем, что введение человеческого образца, повторение типичного сценария и отход от мирского времени через миг, открывающийся в Великое Время, являются существенными признаками «мифического поведения», то есть поведения человека архаической культуры, который видит в мифе источник своего существования.
27. <...> даже тот, кто по Киркегору, не является «истинным христианином», все равно есть и не может не быть современником Христа, так как литургическое время, в которое христианин живет на протяжении богослужения, уже больше не просто мирское, а в сущности своей священное время, время, когда Слово становится плотью, *illud tempus* Евангелия. Христианин не принимает участия в поминовении крестных мук таким же образом, как, например, присоединяясь к ежегодному празднованию Четвертого Июля или Одиннадцатого Сентября. Он не отмечает событие, а воссоздает таинство. Для христианина Иисус умирает и воскресает перед ним.
28. Для христианина, как и для человека архаичного общества, время не гомогенно: оно является субъектом периодических разрывов, которые разделяют его на «мирское» и «священное» время, причем последнее бесконечно обратимо, в том смысле, что оно повторяет само себя до бесконечности, не переставая быть одним и тем же временем. Сказано, что христианство, в отличие от архаических религий, провозглашает и ожидает конец Времени, что верно по отношению к «мирскому» времени истории, но не к литургическому, начинающемуся с единения божественного и человеческого в Иисусе Христе. С христианским *illud tempus* не будет покончено с завершением истории.
29. Кажется маловероятным, что любое общество может полностью расстаться с мифами, так как из того, что является существенным для мифического поведения, типичный образец, повторение, отрыв от мирского времени и вступление во время исконное — по меньшей мере, первые два являются существенными для любых человеческих обстоятельств. Поэтому совсем не сложно увидеть во всем, что современный человек называет обучением, образованием и дидактической культурой ту функцию, которую в архаическом обществе выполняет миф. И не только потому, что мифы представляют собой сумму родовых традиций и норм, которые важно не нарушить, но и потому, что их передача — обычно тайная, относящаяся к посвящению — более или менее эквивалентна «образованию» в современном обществе. Гомология соответствующих функций мифа и нашего публичного обучения очевиднее всего подтверждается при рассмотрении происхождения типичных моделей, которых придерживается европейское образование. В древности разрыва между мифологией и историей не было: исторические персонажи пытались подражать своим архетипам, богам и мифическим героям.
30. Но такое подражание модельным жизням поощряется не только средствами школьного образования. Совместно с официальной педагогикой и длительное время после того, как она перестает оказывать свое влияние, современный человек подвергается влиянию сильнодействующей, даже если и рассеянной, мифологии, предлагающей целый ряд примеров для подражания. Реальные и воображаемые герои играют важную роль в формировании европейского юношества: персонажи приключенческих рассказов, герои войны, любимцы экрана и так далее. Эта мифология с течением времени постоянно обогащается. Мы встречаем один за другим образы для подражания, подбрасываемые нам переменчивой модой, и стараемся быть похожими на них. Писатели часто показывали современные версии, например, Дон Жуана, политического или военного героя, незадачливого любовника, циника, нигилиста, меланхолического поэта и так далее — все эти модели продолжают нести мифологические традиции, которые их топические формы раскрывают в мифическом поведении. Копирование этих архетипов выдает определенную неудовлетворенность своей собственной личной историей. Смутную попытку выйти за рамки своей местной провинциальной истории и снова очутиться в том или ином Великом Времени — будь то просто мифическое время первых сюрреалистов или манифеста экзистенциалистов.
31. Но адекватный анализ мифологий современного мира займет целые тома, так как секуляризованные мифы и мифологические образы, размытые и скрытые, обнаруживаются

езде; необходимо лишь распознать их. Мы упоминали мифологическую основу празднования Нового года и торжеств, отмечающих любое «новое начало». В них мы снова можем различить ностальгию по обновлению, сильное желание к обновлению мира; желание войти в новую историю обновленного мира, то есть сотворенного заново. Не трудно привести многочисленные примеры этого. Миф об утерянном рае до сих пор сохраняется в образах райского острова или безгрешной земли, освобожденной земли, где законы упразднены, а время стоит на месте. Необходимо сказать, что мы можем проникнуть за личину мифологического поведения современного человека прежде всего анализируя его позицию ко времени.

32. Мы никогда не должны забывать, что одной из существенных функций мифа является обеспечение входа в изначальное время. Это видно по тенденции игнорирования настоящего времени или того, что называется «историческим моментом».
33. <...> нежелание встать перед лицом настоящего, вместе со смутным желанием принять участие в каком-нибудь знаменитом, изначальном, абсолютном времени, иногда является отчаянной попыткой современного человека прорваться сквозь однородность времени, выйти «за пределы» его протяженности и снова вступить во время, качественно отличное от того, которое в своем течении творит свою собственную историю. Имея это в виду, мы сможем ответить на вопрос, что же стало с мифами в сегодняшнем мире. Современный человек при помощи многочисленных и подручных средств тоже пытается «освободить» себя от своей «истории» и жить в качественно ином темпоральном ритме. И поступая таким образом, он возвращается к мифическому образу жизни, не осознавая этого.
34. Последовательные стадии мифа, легенды, эпической поэмы и современной литературы указывались часто и нет необходимости здесь останавливаться на них. Давайте просто припомним тот факт, что в великих современных романах до некоторой степени сохраняются мифические архетипы. Трудности и испытания, через которые должен пройти герой романа, предварительно встречаются в приключениях мифических героев. Можно также показать, что мифические темы изначальных вод, островков Рая, поисков Святого Грааля, героического и мистического посвящения и так далее, все еще доминируют в современной европейской литературе. Совсем недавно мы наблюдали в сюрреализме огромный взрыв мифологической тематики и изначальных символов. Что же касается литературы книжных киосков, то ее мифологический характер очевиден. Каждый популярный роман должен представлять типичную борьбу Добра и Зла, героя и негодяя (современное воплощение дьявола) и повторять один из универсальных мотивов фольклора — преследуемую молодую женщину, спасенную любовь, неизвестного благодетеля и тому подобное. Даже детективные романы, как хорошо продемонстрировал Роже Кэлуа, полны мифологических тем.
35. Должны ли мы упоминать о том насколько лирическая поэзия повторяет и продолжает мифы? Вся поэзия старается «переделать» язык, другими словами, отойти от современного повседневного языка и отыскать новую, частную и собственную речь, согласно последнему анализу — тайную. Но поэтическое творение, как и лингвистическое, подразумевает отказ от времени — истории, сконцентрировавшейся в языке — и склонно к возврату райского, изначального состояния: тех дней, когда можно было творить непринужденно, когда прошлое не существовало, потому что время не осознавалось, не было памяти темпорального течения.
36. Сейчас чтение, наверное, даже больше, чем зрелищные развлечения, позволяет индивидууму сделать паузу и одновременно «уйти от времени». «Убиваем» ли мы время детективным рассказом или входим в иную темпоральную вселенную — что мы прodelываем, читая любой роман — мы все равно выходим из своего собственного течения времени, чтобы идти в другом ритме, жить в иной истории. В этом смысле чтение предлагает нам «легкий путь», оно предоставляет модификацию переживаний с малыми для нас затратами. Для современного человека это является превосходнейшим «отвлечением», дающим иллюзию господства над Временем, что, как вполне можно предположить, удовлетворяет тайное желание человека уйти от неумолимого течения времени, ведущего к смерти.

37. Защита от времени, которую мы видим в любого рода мифологической позиции, но которая, фактически, неотделима от человеческой природы, появляется, различным образом замаскированная, в современном мире, в основном в его отвлечениях, развлечениях. Именно здесь можно видеть радикальное отличие, существующее между современными культурами и другими цивилизациями. Во всех традиционных обществах любое важное действие воспроизводило свою мифическую, надличностную модель, а следовательно, имело место в священном времени. Труд, ремесло, война и любовь — все это были таинства. Повторение того, что пережили боги и герои *in illo tempore*, придавало человеческому существованию священный аспект, дополняющийся священной природой, приписываемой жизни и космосу.
38. Истинное «подчинение времени» начинается с секуляризации работы. Лишь в современном обществе человек ощущает себя узником своей повседневной работы, в которой он никогда не может уйти от времени. И так как человек больше не может «убить» время в течение своих рабочих часов — то есть когда он отражает свою реальную социальную сущность — он старается уйти от времени в часы досуга: отсюда и ошеломляющее количество отвлечений внимания, изобретенных современной цивилизацией. Другими словами, все выглядит так, будто порядок вещей противоположен существовавшему в традиционных культурах, потому что там «отвлечений» почти не было; каждое важное занятие само по себе было «уходом от времени». Именно поэтому, как мы сейчас видели, у громадного большинства индивидуумов, которые не практикуют никаких подлинных религиозных вероисповеданий, мифическая позиция — в их отвлечениях, а также в их бессознательной психической деятельности (сновидениях, фантазиях, ностальгиях и тому подобное). А это означает, что «вхождение во время» начинают путать с секуляризацией работы и последующей автоматизацией существования — что приводит к плохо скрываемой потере свободы; и единственно возможным уходом от действительности на общественном уровне является отвлечение.
39. Несколько приведенных наблюдений должно быть достаточно. Мы не можем сказать, что современный мир полностью исключил мифическое поведение, изменилось лишь поле его деятельности: миф больше не доминирует в существенных секторах жизни, он вытеснен частично на более скрытые уровни психики, частично во второстепенную и даже в безответственную деятельность общества. Верно, что мифическое поведение сохранилось, хотя и в скрытом виде в роли, выполняемой образованием, но почти исключительно в том, что касается очень молодых. Более того, функция образования, заключающаяся в предоставлении примера, находится на пути к исчезновению: современная педагогика поощряет непосредственность. Не считая подлинно религиозной жизни, миф, как мы видели, функционирует главным образом в отвлечениях. Но он никогда не исчезнет; иногда он с необычной силой заявляет о себе в общественной жизни в форме политического мифа.
40. <...> миф является неотъемлемой частью человеческого состояния и отражает беспокойство человека, живущего во времени.

II. Миф о благородном дикаре, или престиж начала

41. Выдающийся итальянский исследователь фольклора Дж. Коккиара недавно написал: *«перед тем, как быть открытым, дикарь был вначале придуман»*.
42. Но это «изобретение» дикаря, близкого по духу чувственности и идеологии семнадцатого и восемнадцатого веков, было лишь реализацией в радикально секуляризованной форме намного более древнего мифа — мифа о земном Рае и его обитателях в сказочные времена до начала истории. Вместо «изобретения» хорошего дикаря, на самом деле мы должны говорить о мифологизированной памяти и о ее типичном образе.
43. Истинные «примитивные люди», «примитивные из примитивных» были обнаружены и описаны лишь недавно; но в период расцвета позитивизма это открытие не оказало никакого влияния на миф о благородном дикаре.
44. Миф о благородном дикаре был лишь возрождением и продолжением мифа о Золотом Веке, то есть о совершенстве начала вещей. Мы должны были поверить идеалистам и утопистам эпохи Возрождения, что утрата Золотого Века была делом рук «цивилизации». Состояние

невинности и духовного блаженства человека, которое предшествовало его падению, становится в мифе о неиспорченном дикаре чистым, свободным и счастливым состоянием типичного человека, окруженного щедрой материнской природой.

45. Сразу же бросается в глаза та деталь, что «благородный дикарь», описанный мореплавателями и превознесенный идеалистами во многих случаях принадлежал к обществу каннибалов.
46. Данный факт говорит о том, что бессознательное западного человека не оставило древнюю мечту — отыскать современника, все еще живущего в земном раю. Поэтому вся литература о дикарях является ценным материалом для изучения мышления западного человека: она раскрывает его стремление к условиям Эдема — стремление, которое к тому же подкрепляется многими другими райскими образами и отношениями — тропическими островами и изумительными пейзажами, блаженной наготой и красотой туземных девушек, сексуальной свободой и так далее.

Заботы каннибала

47. Дикари в свою очередь, также считали, что утратили первобытный рай. Иными словами, мы можем сказать, что дикари, не более и не менее, чем западные христиане, считали, что пребывают в «павшем» состоянии по сравнению со сказочно счастливым положением дел в прошлом. Их реальные условия существования отличались от изначальных, что было вызвано катастрофой, произошедшей *in illo tempore*. До этой катастрофы человек наслаждался жизнью, подобной жизни Адама до того, как он согрешил.
48. Мифы о Рае, без сомнения, имели различия у представителей разных культур, но некоторые общие черты повторялись постоянно: в то время человек был бессмертен и мог стать лицом к лицу с Богом: он был счастлив и ему не нужно было работать ради пропитания; едой его обеспечивало или дерево, или сельскохозяйственные инструменты работали на него сами по себе, как автоматы. В этих райских мифах имеются и другие, в равной мере важные элементы (отношение между небом и землей, власть над животными и тому подобное), но здесь мы воздержимся от их анализа.
49. У большого количества людей, особенно у земледельцев, выращивавших корнеплодные (незерновые) культуры, предания о причинах наступления теперешнего состояния человека предстают в еще более драматичной форме. Согласно их мифологии, человек стал таким, каким он есть сейчас — смертным, сексуально зависимым и обреченным трудиться — вследствие изначального убийства. *In illo tempore* божество, довольно часто выступавшее в образе девушки, иногда — ребенка или мужчины, согласилось быть принесенным в жертву, чтобы из его тела смогли вырасти клубни плодоносящих растений. Это первое убийство радикально изменило образ бытия человеческой расы. Принесение в жертву божества привело к необходимости в пище, а также к неизбежности смерти, а следовательно, и к сексуальной зависимости — как единственному средству, обеспечивающему продолжение жизни.
50. Съедобное растение не предоставлено природой. Оно является продуктом убийства, потому что именно таким образом оно было сотворено в начале времен. Охота за головами, человеческое жертвоприношение, каннибализм — все это было принято человеком, чтобы обеспечить жизнь растениям. Фольхардт справедливо настаивал на том, что каннибал принимает на себя ответственность за этот мир, что каннибализм является не «естественной» порочностью примитивного человека (тем более, что он не обнаружен на самых архаичных уровнях культуры), а типом поведения, свойственного его культуре, основанной на религиозном видении жизни. Для того, чтобы растительный мир мог продолжить свое существование, человек должен убивать и быть убитым. Более того, он должен принять сексуальность, даже в ее крайнем проявлении — в оргии. Абиссинская песня провозглашает следующее: *«Дайте родить той, которая еще не рожала, дайте убить тому, кто еще не убивал!»* Это способ указания на то, что два пола обречены каждый принять свою судьбу.
51. Перед тем, как осуждать каннибализм, мы всегда должны помнить, что он был заложен божествами. Они положили ему начало, чтобы человек смог на себя взять ответственность за

космос, чтобы поставить его в положение зрителя за продолжением растительной жизни. Следовательно, каннибализм имел отношение к ответственности религиозного характера, что подтверждается каннибалами Уитото: «*Наши предания всегда живут в нас, даже когда мы не танцуем. Мы и работаем лишь для того, чтобы иметь возможность танцевать*». Танцы эти состоят из повторения всех мифологических событий, включая, поэтому, и первое убийство с последующей антропофагией. Будь то каннибал или нет, Добрый Дикарь, превознесенный западными путешественниками и теоретиками, постоянно был озабочен «истоками», первоначальными событиями, которые привели его как павшее существо к обреченности на труд и смерть и зависимости от пола. Чем больше мы узнаем о «примитивных» людях, тем больше нас поражает то чрезвычайное значение, которое они придавали восстановлению в памяти мифических событий. Такая своеобразная оценка памяти заслуживает изучения.

Хороший дикарь, йог и психоаналитик

52. Радикальное «исцеление» от страданий бытия достигается возвращением по пескам памяти обратно к изначальному *illud tempus*, что подразумевает отказ от мирского времени.
53. На уровне архаической мысли, благодаря ее концепции циклического времени, повторение космогонии не представляет никакого труда; но для современного человека личные воспоминания, являющиеся «изначальными», могут относиться лишь к младенчеству. Когда наступает психический кризис, современный человек должен вернуться именно в младенчество, чтобы заново пережить и встать лицом к лицу с тем событием, которое этот кризис вызвало.
54. Наиболее смелым было предприятие Фрейда: он внес время и историю в категорию явлений, к которым ранее применялся подход извне, подобно тому, как натуралист обращается с предметом своих исследований. Одно из открытий Фрейда имело наиболее необыкновенные последствия, а именно: то, что у человека существует «изначальный период», в котором все решается — очень раннее детство — и что ход этого периода является типичным для всей остальной жизни. Перефразируя это словами архаического мышления, можно сказать, что одно время был «рай» (которым для психоаналитика является пренатальный период, или время до отнятия от груди), заканчивающийся «разрывом» или «катастрофой» (детская травма), и какова бы ни была позиция взрослого по отношению к этим изначальным условиям, они, тем не менее, играют формирующую роль его бытия. Появляется искушение расширить эти наблюдения, включив открытое Юнгом коллективное бессознательное, ряд психических структур, предшествующий таковым индивидуальной психики, о которых нельзя сказать, что они были забыты, так как они не были основаны на индивидуальных переживаниях. Мир архетипов Юнга сходен с миром идей Платона в том, что архетипы безличны и участвуют не в историческом времени жизни индивидуума, а во времени видов — и даже самой органической жизни.
55. «Рай» и «Падение», или катастрофическое ниспровержение предыдущего режима, включая каннибализм, смерть и зависимость от полового размножения, как видят их в примитивных преданиях, или изначальный разрыв бытия изнутри, как объясняет индийская мысль — все это многочисленные образы мифического события, которое ходом своего развития заложило основы состояния человека. Каковы бы ни были различия между этими образами и формулами, в конечном итоге они означают одно и то же — составляющее сущность человеческого состояние предшествует действительному человеческому состоянию; решающее событие произошло до нас и даже до наших родителей — решающий поступок был совершен мифическим Предком (в иудейско-христианском контексте — Адамом).
56. Вера в то, что человек основывается тем, что произошло *in illo tempore*, не является, однако, особенностью примитивной мысли и иудейско-христианского учения. Мы обнаружили направления аналогичного характера в йоге и психоанализе. Можно пойти еще дальше и рассмотреть нововведения, добавившиеся к этой традиционной догме, которые подтверждают, что составляющее сущность человеческого состояние предшествует действительному. Наибольшее новшество пытался ввести историзм утверждением, что

человек больше не определяется лишь своим происхождением, в этом также принимает участие его собственная история и история всего человечества. Именно историзм определенно секуляризирует время, отказываясь признать разграничение между мифическим временем начал и временем, последовавшим за ним. Никакая магия больше не озаряет *illud tempus* «начал»: первоначального «падения» или «разрыва» не было, был лишь бесконечный ряд событий, и все они сделали нас такими, какими мы есть сегодня. «Качественного» различия между этими событиями нет; все они заслуживают воскрешения в памяти и переоценки историографическим анамнезом. Предпочтение не отдается ни событиям, ни личностям: изучая эпоху Александра Великого или послание Будды, человек находится не ближе к Богу, чем изучая историю черногорской деревни или биографию какого-нибудь забытого пирата. Перед Богом все исторические события равны, или если человек в Бога не верит — перед историей.

III. Ностальгия по раю в примитивных преданиях

57. Бауманн суммирует африканские мифы, касающиеся первобытной райской эпохи, следующим образом: в те дни люди ничего не знали о смерти; они понимали язык зверей и жили с ними в мире; они вообще не работали и находили обильную пищу у себя под рукой. После определенного мифического события — рассматривать которое мы сейчас не будем — райский период закончился, и человечество стало таким, каким мы сейчас его знаем.
58. Фактически, все эти мифы показывают первобытного человека, наслаждающегося изобилием; непосредственность и свободу, которые он к несчастью потерял вследствие падения, то есть того мифического события, которое послужило причиной разрыва Неба и Земли. In illo tempore, в райский век боги спускались на землю и были среди людей, а люди, в свою очередь, могли подняться на небеса, взобравшись на скалу, дерево, лиану, лестницу, или даже птицы могли перенести их.
59. Давайте перечислим характерные черты человека райской эпохи. Этими чертами являются: бессмертие, непосредственность, свобода, возможность подняться на Небо и свободно встретиться с богами, дружба с животными и знание их языка. Эти свободы и возможности были утеряны в результате изначального происшествия — «падения» человека, определившего онтологическую перемену собственного состояния человека, а также космический раскол.
60. Шаманский комплекс представляет в «примитивных» обществах то, что в более высокоразвитых религиях известно как мистицизм и мистические переживания.
61. Правда, между положением первобытного человека и состоянием, которое шаман воссоздает в экстазе, имеется большое различие: шаман лишь временно перекидывает мостик через пропасть, разделяющую Небо и Землю, он отправляется на небеса, но уже не так, как первобытный человек *in concrete*, а только душой: не аннулирует он и смерть (все представления о бессмертии, которые можно встретить у примитивных народов, точно так же как и у людей цивилизованных, предполагают предшествующую ему смерть; подразумеваемое здесь бессмертие всегда посмертное, духовное).
62. <...> нас, прежде всего, интересуют мистические переживания как таковые. И, как хорошо показал Дом Штольц, типичным христианским мистическим переживанием является вознесение на небо, описанное св. Павлом.
63. <...> кто бы ни хотел войти в рай, должен сначала пройти через огонь, окружающий его. *«Другими словами, лишь тот, кто очищен огнем, может войти в рай, потому что очищение предшествует мистическому единению, и мистики, не колеблясь, ставят очищение души на ту же плоскость, что и очищающий огонь на пути в рай».*
64. Слишком часто человек Запада оказывается под впечатлением проявления идеологии, в то время как совершенно не знает того, что необходимо знать прежде всего — самой идеологии, то есть мифов. Но проявления зависят, в первую очередь, от местных манер и культурных стилей, а они не всегда могут быть доступны сиюминутному признанию. И тогда человек судит по своему впечатлению: эта церемония прекрасна, такой-то танец зловещ, образ посвящения дикарский или является отклонением от нормы. Но если взять на себя труд

понять идеологию, лежащую в основе всех этих проявлений, если изучить мифы и символы, обуславливающие их, то можно избавиться от субъективности впечатлений и добиться более объективного взгляда. Иногда понимания идеологии бывает недостаточно, чтобы вернуть статус «нормальности» какому-либо типу поведения. Вспомним лишь один пример: подражание голосам животных. Более ста лет считалось, что странные крики шамана служат доказательством потери им умственного равновесия. Но это были признаки чего-то совершенно иного: ностальгии по раю. Именно рай в видениях преследовал Исайю и Вергилия, питал святость отцов Церкви и который заново победоносно расцвел в жизни св. Франциска Ассизского.

IV. Чувственное восприятие и мистические переживания у примитивных людей

Вступительные примечания

65. В обществах, все еще находящихся на этнографической стадии, мистические переживания являются, в основном, прерогативой класса индивидуумов, которые, независимо оттого, как они именуются, являются специалистами по экстатическому состоянию. Шаманы, знахари, маги, целители и прочие вдохновенные и отрешенные отличаются от остального сообщества интенсивностью своих религиозных переживаний. Их духовная жизнь более глубока и содержательна, чем у остальных людей. В большинстве случаев они привлекают внимание каким-то необычным поведением, присущими им оккультными способностями, личными и тайными связями с духами, образом жизни или одеждой, знаками отличия и формой речи, которые характерны лишь для них одних. По общему признанию, этих индивидуумов относят к религиозной элите — у примитивных людей — и к мистикам — в других, более высокоразвитых культурах.
66. <...> у «примитивных» людей каждому ответственному действию придается магически-религиозное значение и ценность: нужно лишь вспомнить космологический подтекст и, в конечном счете, мистику сексуальной активности, рыболовства и земледелия; питание, подобно половой активности и работе, является в одно и то же время таинством и физиологической деятельностью. Короче говоря, в религии во все времена сенсорная деятельность использовалась как средство участия в священнодействии и достижении божественного.

Болезнь и инициация

67. <...> гипотеза о том, что «шаманизм является арктическим явлением», не выдерживает более тщательного анализа. Нет особых географических зон, где бы шаманский транс был бы особым, характерным явлением; мы встречаем шаманов по всему миру, и везде наблюдатели отмечают ту же связь между их мистическим призванием и нестабильностью нервной системы; поэтому шаманизм не может быть следствием полярного физического окружения. Более шестидесяти лет назад Вилкен утверждал, что индонезийский шаманизм первоначально действительно был заболеванием, и лишь недавно люди начали разыгрывать драматические представления подлинного транса.

Морфология «избрания»

68. В рамках архаической духовности «психический хаос» имеет свое значение в качестве модели «докосмогонического хаоса», аморфного и не поддающегося описанию состояния, которое предшествует космогонии. Но мы знаем, что для архаических и традиционных культур символический возврат к хаосу неотделим от любого нового сотворения в какой бы плоскости он ни проявлялся: каждому новому севу и каждому новому сбору урожая предшествует коллективная оргия, которая символизирует возобновление «докосмогонического хаоса»; каждый Новый год влечет за собой ряд церемоний, которые

означают повторение изначального хаоса и космогонии. «Возврат к хаосу» для человека архаической культуры равнозначен подготовке к новому «Сотворению».

Озарение и внутреннее видение

Изменение организации сенсорного восприятия

69. Расмуссен у эскимосов иглулик и Гусинде у сельк'намов собрали сведения о множестве случаев предчувствия, ясновидения и тому подобное. Этот список легко можно продолжить. Рассматриваемая проблема относится к парапсихологии, следовательно, она должным образом не может быть обсуждена в свете истории религии, которой мы придерживаемся с самого начала этого исследования. Парапсихология изучает условия, при которых происходят определенные паранормальные явления, и старается понять и даже объяснить их, в то время как историк религий интересуется значением таких явлений и пытается восстановить мировоззрение, в котором они принимаются и ценятся. Давайте ограничимся единственным примером: парапсихология стремится, главным образом, установить достоверность каждого конкретного случая, такого, например, как левитация, и изучает условия его проявления; история религий пытается выяснить символизм вознесения и магического полета для того, — чтобы понять связь между мифами вознесения и ритуалами и, в конечном итоге, определить мировоззрение, которое придало им их значимость и объяснение.
70. Чтобы добиться своей цели, историк религий не обязан ни высказываться о достоверности того или иного конкретного случая левитации, ни ограничивать свои исследования изучением условий, при которых такой случай действительно может произойти. Любая вера в «магический полет», любой ритуал вознесения, любой миф, затрагивающий тему возможной связи между Небом и Землей, в равной мере важны для историка религий: каждый из них представляет духовное свидетельство, имеющее очень большую ценность, так как эти мифы, обряды и убеждения выражают категории существования человека в космосе и одновременно раскрывают его тайные желания и стремления. Для такого историка они достоверны в том, что каждый из них представляет подлинное духовное переживание, в которое оказалось глубоко вовлечена человеческая душа;
71. Если внимательно читать тексты йоги, можно проследить последовательные стадии, ведущие в этому завершающему онтологическому превращению. Мы не можем анализировать их здесь, но мы знаем, что с самого начала обучения ученик пытается разрушить структуру «мирской чувствительности», освободить место для экстрасенсорного восприятия (ясновидения, чтения мыслей и тому подобное), а также для почти невероятного контроля над телом. Упражнения хатха-йоги, в первую очередь те, которые касаются ритмического дыхания (пранаяма), повышают сенсорное восприятие и переводят его на уровень, недоступный в условиях обычного поведения. Человек добивается постепенного изменения нормального поведения: если говорить словами текстов чувства вынуждаются «отвлечься от объектов» (пратьяхара) и обратиться на самих себя.

«Магическое тепло» и «власть над огнем»

72. <...> одного их типа этого класса.

Чувства, экстаз и рай

73. Однако, хотя шаманский экстаз повсеместно считается решающим доказательством священности, тем не менее, в глазах примитивного человека он представляет собой упадок в сравнении с изначальным статусом шаманов. Действительно, предания рассказывают о временах, когда шаманы отправлялись в свои путешествия на Небо целиком, вспоминают эпоху, когда шаманы в самом деле летали над облаками. Более того, экстаз, мистический экстаз, осуществляемый лишь духовно, считается низшим по отношению к более раннему

его положению, когда шаман творил все свои чудеса, будучи в своем собственном теле — магический полет, восхождение на Небо и спуск в Ад. Владение огнем остается одним из редких конкретных доказательств «подлинного» чуда, выполняемого в нашем телесном состоянии — вот почему этому явлению придается такое большое значение во всех шаманских кругах. Это доказательство того, что шаман разделяет состояние «духов», все еще продолжая существовать во плоти; доказательство того, что «чувствительность» может быть изменена, не будучи разрушенной; что человеческое состояние было превзойдено, не будучи уничтоженным, то есть что оно было «возвращено» до своего изначального совершенства.

74. <...> как мы уже видели, согласно мифам (см. выше), Предок или изначальный человек ничего не знал о смерти, страдании или работе: он жил в мире с животными, мог с легкостью попасть на небо и непосредственно встретиться с Богом. Произошла катастрофа и прервала эту связь между небом и Землей; и это было началом современного состояния человека, характеризующееся ограниченностью во времени, страданием и смертью.
75. <...> на экстаз шамана [его соплеменники — Н.Д.] смотрят как на что-то упадническое; это чисто «духовное» переживание, которое нельзя сравнить со способностями «шаманов старины», которые, хотя и не могли полностью превзойти человеческое состояние, были тем не менее, способны творить «чудеса» и, в частности, были способны взлетать на Небо *in concreto*. Таким образом, «шаманы древности» сами были представителями уже павшего человечества, стремящимися вернуться к райскому положению вещей «до падения».

V. Символизм вознесения и «сны наяву»

Магический полет

76. <...> другими словами, желание абсолютной свободы стоит в ряду самых существенных стремлений человека, независимо от достигнутого им уровня культуры и форм его социальной организации. Создание этих повторяющихся до бесконечности, бесчисленных воображаемых вселенных, в которых переступается пространство и исчезает вес, красноречивее всяких слов говорит об истинной природе человеческого существа. Стремление порвать узы, держащие его в рабстве земли — не результат космического давления или экономической ненадежности, это неотъемлемая часть человека, который является единственным существом, наслаждающимся образом существования, уникальным для всего мира. Такое желание освободиться от своих ограничений, воспринимаемых как какой-то тип деградации, и снова обрести непосредственность и свободу — желание, выражаемое в только что приведенном здесь примере символами полета, должно стоять в ряд особых черт человека.

Durohana и «сон наяву»

77. Конечно, всегда можно вернуться к материалистической гипотезе, к объяснению сведением до «первой формы», в какой бы перспективе появление этой «первой формы» ни располагалось бы. Велико искушение взглянуть на «начало» обычая или образа жизни, или категории Духа и тому подобное в предшествующем или, в некотором смысле, зародышевом состоянии. Мы знаем, сколько причинных объяснений предлагалось материалистами в попытке свести деятельность и творение Духа к некоему инстинкту, какой-то железе или детской травме. И в некотором отношении эти объяснения сложных реальностей сведением их к элементарным «началам» являются поучительными; но, строго говоря, они не равнозначны объяснению, они являются лишь повторными заявлениями того, что все сотворенное имеет начало во Времени, чего никто и не помышляет отрицать. Но очевидно, что эмбриональное состояние не объясняет способ бытия зрелого. Эмбрион имеет значение лишь настолько, насколько он связан и сравним со зрелым. Человека объясняет не «утробный плод», так как конкретный образ бытия человека в мире появляется после того, как он завершает свое существование в утробе. Психианалитики говорят о психической регрессии дозародышевого состояния, но это является «интраполяцией». Без сомнения,

- «регрессия» всегда возможна, но сказать так в действительности означает ничуть не больше, чем например, сказать, что живая материя возвращается — посредством смерти — к состоянию просто материи; или что скульптура, будучи разбитой на части, «регрессирует» в свое предыдущее состояние необработанного материала. Истинный вопрос заключается в следующем: с какого момента структура или образ бытия могут считаться сформировавшимися как таковые? В упущении момента их становления нет никакой мистификации. Ошибочно предполагать, что мы осуществляем демистификацию, демонстрируя, например, что то или иное значение Души имеет (может быть и неприятную) «предысторию». С таким же успехом можно сказать, что и слон когда-то был эмбрионом.
78. <...> было бы бесполезно пытаться объяснить функцию символов, обращаясь к их зачаточным стадиям. Напротив, окончательное значение некоторых символов не раскрывается до момента их «зрелости» — то есть до тех пор, пока их функция не изучена в наиболее сложных деяниях Души. И опять же, это всегда вызывает проблему взаимосвязи между Субстанцией или Живой Материей, и Духом и, в конце концов, мы оказываемся в плоскости философии.
79. Небезынтересно вспомнить, что эта противоречивая взаимосвязь волновала индийскую философскую мысль с самого начала. Достаточно хорошо известно на Западе одно характерное решение (исключительно, как оно приводится в Веданте), которое снимает вопрос, провозглашая его «иллюзорным», майя. Менее известно другое решение, предложенное Самхья и философией йоги, которое однажды может соблазнить некоторых авторов на объяснение коллективного бессознательного Юнга. Самхья предполагает две первопричины: Субстанцию (пракрити) и Дух (пуруша) последняя всегда находится в отдельной форме, то есть Самхья и йога отрицают тождественность индивидуального духа (атмана) и вселенского духа (брахмана), постулируемую Ведантой. Несмотря на то, что никакой действительной связи между Природой и Духом существовать не может, несмотря на то, что в своей форме существования пракрити «бессознательна» и «слепа», и, более того, несмотря на то, что она держит человека в плену бесчисленных иллюзий бытия и в постоянном страдании, на самом деле пракрити действует в направлении освобождения Духа (пуруша). Сама не в состоянии «понять», она пытается заставить сделать Дух следующее: она, которая по определению обречена на обусловленное состояние, помогает Духу освободиться — то есть выйти из обусловленного состояния.
80. (Мы помним, что у Аристотеля Материя, которая сама по себе была бесформенной, тем не менее, указывала на «конечную цель» — служение Форме). В Индии огромное количество литературы посвящено объяснениям этих парадоксальных отношений между тем, что является сугубо бессознательным — Материей — и чистым «сознанием», Духом, который по своему образу бытия является безвременным, свободным, не вовлеченным в становление. Одним из наиболее неожиданных результатов этого философского труда было заключение, что бессознательное (то есть пракрити, подражает поведению Духа; что бессознательное ведет себя таким образом, что его деятельность, кажется, заранее предполагает образ бытия Духа.

VI. Сила и священность в истории религии

Иерофании

81. Вместо изучения идей Бога и религий, Рудольф Отто взялся за анализ модальностей религиозного переживания. Будучи одаренным большой психологической проницательностью и обладая опытом как теолога, так и историка религий, он преуспел в определении содержимого и специфического характера этого переживания. Оставляя в стороне рациональные и умозрительные аспекты религии, он, в основном, сосредоточил свое внимание на ее нерациональной стороне. Отто, как он как-то открыто признал, прочитал Лютера и понял, что для верующего означает «живой Бог». Понял, что это — не Бог философов или, например, Бог Эразма; не идея или абстрактное понятие и не просто моральная аллегория. Напротив, данное значение заключает в себе огромную силу,

проявляющуюся в «гневе» Господнем и в страхе перед ним. И в своей книге «священное» Рудольф Отто ставит перед собой цель определить сущность этого вселяющего ужас и иррационального переживания.

82. <...> священное проявляется в равной мере или как сила или как власть. Для того, чтобы обозначить, как проявляется священное, мы предлагаем использовать термин иерофания. Этот термин удобен тем, что не требует никакой дополнительной детализации. Он не означает ничего, кроме того, что подразумевается его этимологическим содержанием, а именно: что перед нами предстает, проявляется что-то священное. Можно сказать, что история религий, начиная от самых элементарных и кончая наиболее высокоразвитыми, состоит из ряда значительных иерофаний — проявлений священной реальности. Начиная с наиболее элементарной иерофаний, как, например, проявление священного в любом предмете, будь то камень или дерево, и заканчивая высшей иерофанией, олицетворением Господа в Иисусе Христе — между ними наблюдается непрерывная и последовательная связь. Что же касается структуры, мы оказываемся перед тем же загадочным фактом — присутствие в вещах, неотделимых от нашего «естественного» или «мирского» мира, чего-то «совершенно иного» — действительности, которая не относится к нашему миру.
83. Мы знаем, что анимизм предполагает веру в существование души — душ умерших, духов, демонов — которая проявляется в различных аспектах.
84. Священное является сильным и могущественным, потому что оно реально; оно действенно и долговечно. Противопоставление между священным и мирским часто выражается как противопоставление между реальным и нереальным или псевдореальным.

Разновидности религиозных переживаний

85. Для изучающего религиозную этнологию допустить такую ошибку легко, в чем несложно убедиться. Точка зрения, занимаемая в изучении явления, значительно сказывается и на самом явлении. Принцип современной науки заключается в том, что «явление определяется уровнем его описания», то есть перспективой. Однажды Анри Пуанкаре задал вопрос: может ли *«натуралист, изучавший слона лишь при помощи микроскопа, считать, что он достаточно знает об этом животном?»*. Вот в чем суть.
86. Многие «примитивные» народы верят, что боги создали мир «из ничего», лишь при помощи одной мысли, то есть посредством самоконцентрации.
87. Сотворение и космология продолжают служить типичной моделью для каждого процесса человеческого «созидания» (например, строительство храма, алтаря, дворца или дома) и даже для целого ряда других действий (таких как лечение и исцеление).
88. <...> как «примитивные» люди, так и иудеи, считали, что все эти Великие Богини, эти солнечные или земные Боги и все эти Предки и Демоны не способны были их спасти, то есть обеспечить их существование в экстремально-критических условиях, так как эти боги и богини могут лишь воспроизводить жизнь и прибавлять её. Более того, они могут выполнять эту функцию лишь в «нормальное» время. Короче говоря, это были божества, которые упорядочивали космические ритмы до восхищения, но оказались неспособными спасти Космос или человеческое общество во время главного кризиса (в случае иудеев — «исторического» кризиса).

«Сильные боги»

89. Но здесь снова факты не должны интерпретироваться с западной, то есть с материалистической точки зрения. Не наши технические открытия сами по себе, а их магико-религиозное принятие изменило перспективу и содержание религиозной жизни традиционных обществ. Не следует предполагать, что и само сельское хозяйство как техническая инновация могло иметь такие последствия для духовного окружения архаического человечества. В мировоззрении того времени не было разделения между инструментом — реальным конкретным предметом — и символом, придающим ему значение; между техникой и магико-религиозным действием, которое она предполагала.

90. А в некоторых культурах мужское плодотворное божество сводится к довольно скромному положению; так как Великая Богиня сама обеспечивает плодородие мира. Со временем ее супруг уступает место ее сыну, который одновременно является и любовником матери. Это — хорошо известные боги растительности, такие как Таммуз, Аттис и Адонис, характеризующиеся тем, что они периодически умирают и снова возвращаются к жизни.
91. Поклонение Яхве отвергало все эти кровопролитные обряды, предполагаемые для обеспечения продолжения течения жизни и плодородности космоса. Сила Яхве была совершенно иного порядка, она не нуждалась в периодическом подкреплении. Это замечательный факт, что простота поклонения, характерная монотеизму и еврейскому почитанию пророка, соответствует первоначальной простоте поклонения Высшим Существам у «примитивных» народов. Как мы уже видели, такое поклонение почти исчезло, но мы знаем, в чем оно заключалось: подношения, первые плоды и молитвы были адресованы Высшим Существам. Еврейский монотеизм вернулся к этой простоте культурных средств. Более того, в служении Моисею ударение ставилось на веру, на религиозные переживания, которые подразумевали переход почитания внутрь себя, и в этом заключалась его величайшая новизна. Можно сказать, что открытие веры как религиозной категории было единственным новшеством, введенным в историю религии со времен неолита.

Индийские религии силы

«Магическое тепло»

«Силы» и «история»

92. <...> космогония — которая, как мы видели, является достижением Высших Существ — продолжает занимать свое привилегированное место в религиозном сознании архаических обществ. Сотворение мира становится архетипом всего «созидания», всех построений, всех реальных и достигающих цели действий. В этом и заключается это старинное явление: когда Творцу уже не уделяется прямое религиозное внимание, его творение становится моделью для всех типов действия. При строительстве алтаря для жертвоприношений или дома, или каноз; во время лечения больного или коронации царя; в момент празднования бракосочетания или при излечении бесплодия у женщины; в период подготовки к войне или при поиске поэтического вдохновения — во всех этих и многих других случаях, имеющих значение для коллектива или индивидуума, излагается космогонический миф: ритуально или символически повторяется сотворение мира. К этому можно добавить еще и то, что каждый год празднуется символическое разрушение мира (а значит и человеческого общества), чтобы возродить его снова, каждый год в ритуальной имитации архетипного акта Творения повторяется космогония.
93. Символизм не означает рационализм, скорее наоборот. Однако, с точки зрения религиозных переживаний персоналистического типа, символизм приобретает оттенок рационализма: он становится «абстрактным» и не касается божественной Личности, того «Живого Бога», с его *tremenda majestas* и *mysterium fascinans*, описанного Рудольфом Отто.
94. В противоположность этому, падение Самарии действительно имеет место в истории, и это событие, произошедшее по воле и побуждению Яхве. Это была неизвестная до тех пор теофания нового типа — вмешательство Яхве в Историю.
95. Это было очень значительной религиозной революцией — даже слишком значительной для того, чтобы осознать ее по прошествии двух тысяч лет христианской жизни. И вот почему. Когда священное проявлялось лишь в Космосе, оно было легко распознаваемо. Для дохристианского религиозного человека в целом легко было отделить знаки, наделенные силой — спираль, круг или свастику и тому подобное — от тех, которые ее не имеют. Легко было даже разделить литургическое и мирское время. В определенный момент мирское время прекращало свое течение — тем простым фактом, что начинался ритуал — и начиналось литургическое, священное время. Но в иудаизме, и, превыше всего, в

христианстве, божественность проявила себя в Истории. Христос и его современники были частью Истории. И, конечно же, не только Истории. Сын Господен своим воплощением принял существование в Истории точно так же, как священное, проявляющееся в том или ином объекте Космоса, парадоксально принимает бесчисленные условия существования этого объекта. Поэтому для христиан существовали радикальные дополнительные отличия между различными историческими событиями: некоторые из них были теофаниями (прежде всего, присутствие Христа в истории), в то время как другие были просто мирскими событиями. Но Христос в своем Мистическом теле Церкви продолжает присутствовать в Истории. И это для истинного христианина создает чрезвычайно сложную ситуацию: он больше не может отречься от Истории, но и не может принять ее целиком. Ему приходится постоянно выбирать, пытаться различить в клубке исторических событий те, которые могут иметь значение для его спасения.

VII. Мать Земля и космические нерогами

Terra Genetrix

Мифы о происхождении

96. Мы можем видеть, как этот миф связывает онтогенетическое с филогенетическим: состояние только что родившегося на свет ребенка приравнивают к мистическому периоду существования еще не родившейся человеческой расы в недрах Земли: каждый ребенок в своем пренатальном развитии снова повторяет путь этого первобытного человечества. Здесь человеческая мать полностью уподобляется Великой Земной Матери. Мы лучше поймем эту симметрию между индивидуальным рождением и антропогенезом или, выражаясь научными терминами, между онтогенезом и филогенезом: когда рассмотрим миф зуни о сотворении мира и человека.
97. Нет необходимости указывать на гинекологический и родовой символизм этого красивого мифа о появлении человека. Образ Земли полностью соответствует образу Матери: антропогенез описывается языком онтогенеза.
98. Как и все мифы, этот также является типичным, то есть служит шаблоном и моделью для очень многих видов человеческой деятельности. Действительно, не следует полагать, что космогонические и антропогенные мифы повествуются лишь для того, чтобы ответить на такие вопросы, как «Кто мы?» и «Откуда мы появились?». Такие мифы также являются примерами, которых следует придерживаться в любом случае, когда создается что-нибудь или когда восстанавливается или возрождается человеческое существо — так как для «примитивного» разума любое восстановление подразумевает возвращение к началу, повторение космогонии. Мы можем понять значимость таких мифов, наблюдая, например, за поведением навахо. Обычно во время некоторых церемоний, выполняемый при излечении больного или при инициации шамана-ученика, они пересказывают миф о появлении людей из груди Земли и о трудном путешествии к поверхности и свету.

Воспоминания и ностальгии

Мать Земля

99. Существуют верования, что дети «появляются» из глубин Земли, пещер, гротов, расщелин, а также из болот и ручьев. В форме легенд, суеверий или просто метафор эти верования до сих пор сохранились и в Европе. В каждом регионе, почти в каждом городе и деревне известен камень или ручей, которые «приносят» детей и называются Kinderbrunnen, Kinderteiche или Vubenquellen. Мы должны быть осторожны в предположениях, что эти суеверия и метафоры являются не более, чем объяснениями для детей: действительность не столь проста. Даже у современных европейцев остается смутное ощущение мистического единства с родной Землей.

Humipositio: помещение ребенка на почву

100. Такая фундаментальная концепция — что мать является лишь представителем теллурической Великой Матери — породила бесчисленное количество обычаев. Давайте, например, вспомним о родах прямо на почве *humī positio* — ритуал, встречающийся в различных местах по всему миру: от Австралии до Китая, от Африки до Южной Америки. У греков и римлян этот обычай со временем исчез, но нет никакого сомнения по поводу его существования в более отдаленном прошлом: некоторые скульптуры богинь плодородия (Деметра, Авсесия, Илифия) изображают их в положении, точно соответствующем женщине, рожаящей на почве. В египетских демотических текстах выражение «сидеть на земле» означает «рожать» или «колыбель младенца».

Подземное лоно зародыша

101. Если Земля — это живая и плодovitая Мать — то все, что она порождает, также является органическим и живым — не только люди и деревья, но и камни и минералы. Очень многие мифы упоминают о камнях как о костях Матери-Земли.
102. <...> человек чувствовал, что может сотрудничать с Природой в ее работе, что способен ускорить процесс роста, происходящий в чреве Земли. Человек понуждает и ускоряет ритм этих медленных глубинных созреваний в некотором смысле, он занимает место Времени. Алхимия преследовала те же самые цели. Алхимик берется за работу Природы и завершает ее одновременно работая над «совершенствованием самого себя». Золото является благороднейшим из металлов, потому что оно полностью «созревшее». Если другие руды оставить в глубинном лоне, то они превратятся в золото, но лишь по истечении сотен тысяч веков. Как металлург, который превращает «зародыш» в металлы, ускоряя рост, начавшийся внутри Матери-Земли, так и алхимик мечтает интенсифицировать это ускорение до завершающего и последнего превращения всех более низших металлов — «низших», потому что пока еще незрелых — в «благородный» и полностью «созревший» металл, коим является золото. Вот что нам говорит Бенджамин Джонсон в Акте II, Сцене I своей пьесы «Алхимик»: Subtle: И то же самое мы говорим о свинце и других металлах, Которые бы стали золотом, будь у них время. Mammon: И что дальнейшее — дело нашего искусства.

Лабиринты

Космические иерогамии

103. Люди жили около полумиллиона лет до того, как оставили первые следы своей религии или культуры. Об этом человечестве до-каменного века у нас нет точных сведений.

Андрогинность и целостность

104. Мы можем выдвинуть другую гипотезу для объяснения отсутствия иерогамии в архаических религиях, заключающуюся в том, что высшие Существа были гермафродитами, одновременно — и мужчиной, и женщиной, как небесными, так и земными. В этом случае иерогамия не была бы необходима для сотворения, так как изначальное божество само по себе представляло иерогамию. Эту гипотезу не следует отвергать априори. Мы в действительности знаем, что определенное количество Высших Существ примитивных народов было гермафродитами.
105. Но феномен божественной двуполости очень сложен: он означает большее, чем просто сосуществование — или, скорее, соединение — полов в божественном существе. Андрогинность является архаической и универсальной формулой выражения целостности, сосуществования противоположностей или *comcidentia oppositorum*.
106. В большей степени, чем состояние половой целостности и самодостаточности, андрогинность символизирует совершенство изначального, не обусловленного состояния.

Именно поэтому андрогинность приписывается не только высшим Существам. Космические гиганты, или мифические Предки человечества, также были гермафродитами. Адам, например, тоже считался обоеполым. Берешит Рабба (I, 4, т. 6, стр. 2) утверждал, что он был *«мужчиной с правой стороны и женщиной с левой, но Бог разделил его на две половины»*.

107. Но андрогинность распространяется даже на божеств, которые явно являются мужскими или женскими. Это означает, что андрогинность стала общей формулой выражения автономии, силы, целостности. Сказать о божестве, что оно двуполо — все равно, что сказать, что это конечное существо и конечная реальность. Теперь мы можем видеть, что андрогинность Высшего Существа нельзя больше считать его специфической характеристикой, так как, с одной стороны, эта андрогинность является архетипом всеобщего распространения, а с другой стороны, он, в конце концов, становится атрибутом божества, ничего нам не говорящим о действительной сущности этого божества. Явно мужской Бог тоже может быть двуполом, как и Мать-Богиня. Поэтому, когда мы говорим, что Высшие Существа примитивных народов являются — или были — гермафродитами, это ни в коем случае не исключает их «мужественности» или их «женственности».

Историко-культурные гипотезы

108. <...> история религий занимается не только историческим становлением религиозной формы, но также и её структурой, так как религиозные формы являются вневременными, они не обязательно привязаны ко времени. У нас нет доказательств, что религиозные структуры создаются определенными типами цивилизации или определенными историческими моментами. Можно казать, что преобладание той или иной религиозной структуры обуславливается или благоприятствуется определенным типом цивилизации или определенным историческим моментом. Когда мы рассматриваем религиозные структуры в историческом плане, имеет значение статистика их встречаемости. Но религиозная действительность более сложна: она выходит за рамки истории. Иудейский монотеизм не был творением определенного типа цивилизации. Напротив, возникшему из религиозных представлений элиты иудейскому монотеизму, как и любой другой форме монотеизма, пришлось бороться с существовавшими на то время формами религии. Цивилизации, общества и исторические моменты представляют возможность для проявления или преобладания этих вневременных структур. Однако, будучи вневременными, религиозные структуры никогда не побеждают полностью. Нельзя сказать, например, что современный мир является монотеистическим, потому что называет себя иудейским или христианским. С иудейско-христианским монотеизмом сосуществуют и другие формы религий, например: магия, политеизм или фетишизм. С другой стороны, монотеистические представления встречаются и в культурах, которые в формальном смысле, все еще находятся на политеистической или тотемической стадии.

«Изначальная ситуация»

109. <...> возвращаясь к нашей проблеме — отсутствие иерогамического мифа в наиболее древних из примитивных культур — можно предложить следующее заключение: Мать-Земля — очень древнее божество, известное со времен палеолита. Но мы не можем сказать, что она когда-либо была единственным первобытным божеством, по той простой причине, что «женственность» никогда не относилась к форме существования изначального существа. «Женственность», также как и «мужественность», является уже частной формой существования, а в мифическом мировоззрении такой частной форме обязательно предшествует целостная форма существования. Когда мы имеем дело с Творцами, <...> похоже, что ударение падает на их способность творить, и эта способность представляется как недифференцируемое многообразие и больше никак не определяется. Такое изначальное состояние можно назвать независимой от пола созидательной целостностью, что очень хорошо прослеживается в упомянутых нами выше китайских примерах. Мы видели, как небесный Бог и патриархальная идеология заняли место Земли-Богини и матриархальной

идеологии. Но этой матриархальной идеологии, в свою очередь, предшествовала религиозная ситуация, которая не была ни матриархальной, ни патриархальной. Гране называет ее «*независимым от пола аспектом святого Места*». Это «святое место» представлялось как недифференцируемая религиозная сила, как изначальный Grund, который предшествовал и поддерживал все последующие проявления.

110. Можно сказать, что такие «изначальные состояния» объясняют отсутствие иерогамии в древнейших религиях. В этих религиях космогония также играет важную роль но весь интерес в них сосредоточен именно на самом акте творения. И теперь мы знаем, что все творение подразумевает предшествующую ему целостность, Urgrund. Иерогамия — это лишь одна из форм объяснения Творения из изначального Urgrund. Кроме иерогамии, есть и другие космогонические мифы, но все они предполагают предшествующее существование недифференцированного единства.

Изанаги и Изанами

111. После смерти Изанами спускается под землю. Супруг, Изанаги, пускается на ее поиски, точно так же, как Орфей спустился в Царство теней, чтобы вернуть Эвридику. Под землей очень темно, но Изанаги, в конце концов, встречает свою жену и предлагает ей вернуться обратно вместе с ним. Изанами просит его подождать у дверей в подземный дворец и не пользоваться светом. Но муж теряет терпение, поджигает зубец своего гребня и входит во дворец, где в пламени своего факела он видит Изанами в процессе разложения. Охваченный ужасом он убегает. Его мертвая жена преследует его, но Изанаги удается убежать тем же путем, каким он спустился под землю. Он бросает вниз, в отверстие, огромный валун. Муж с женой последний раз разговаривают друг с другом, разделенные этим камнем. Изанаги произносит священную формулу их расставания и затем отправляется на небо, в то время как Изанами навечно спускается вниз, под землю. Она становится Богиней умерших, и это соответствует тому, что обычно происходит с хтоническими Богинями и Богинями сельского хозяйства, которые являются божествами плодovitости и в то же время рождения, смерти и возвращения в материнское чрево.

Сотворение и жертвоприношение

112. Похоже, что сейчас мы имеем дело с мифом, имеющим крайне широкое распространение и встречающимся во множестве форм и разновидностей. Но его основной мыслью является то, что Сотворение не может свершиться без принесения в жертву живого существа, первобытного обоуполого гиганта, космического Мужчины, Матери-Богини или мифической Девушки. Мы также видим, что это «Сотворение» относится ко всем уровням существования, будь то Сотворение Космоса или человечества, или какой-то отдельной человеческой расы, или конкретных видов растений или животных. Структура мифа остается одной и той же: ничто не может быть создано без жертвоприношения, без жертвы. Именно так повествуют нам некоторые мифы о сотворении мира непосредственно из тела изначального Гиганта: Имир, Пан-Ку, Пуруги. Другие мифы рассказывают нам о происхождении человеческих рас или различных социальных классов из изначального Гиганта или Предка, который приносится в жертву и расчленяется.
113. Но значение оргии понять несложно: она символизирует возвращение в хаос, в изначальное недифференцированное состояние; воссоздает «всеобщую массу», «неразбериху», существовавшую перед Сотворением, космогоническую ночь, космогоническое яйцо. И можно догадаться, почему вся община должна воссоздавать это возвращение в недифференцированное: для того, чтобы обрести первоначальную целостность, из которой произошла дифференцированная Жизнь и из которой возник Космос. Именно такой символической и бурной реинтеграцией в докосмическое состояние они надеются гарантировать себе богатый урожай, так как урожай символизирует Сотворение, триумфальное проявление молодой, изобилующей и роскошной Формы. «Совершенство»

образуется вначале, *ab origine*. Поэтому они надеются восстановить жизненные резервы и зародышевые богатства, которые впервые проявились в величественном акте Сотворения.

114. Но мы еще раз повторяем, что все это имеет религиозное значение. Не следует предполагать, что культы Матери-Земли потворствуют распущенности, в прямом смысле этого слова. Половое совокупление и оргия являются обрядами, отправляемыми для того, чтобы воссоздать изначальные события. В остальное время, то есть помимо решающих моментов сельскохозяйственного календаря, Мать-Земля является хранителем норм. Среди Яхенго из французского Судана она является поборником морали и справедливости. У Куланго с Берега Слоновой Кости эта богиня ненавидит преступников, воров, колдунов и злодеев. В Африке наиболее ненавистными для Матери-Земли грехами являются: преступление, супружеская измена, кровосмешение и все виды сексуальных извращений. В Древней Греции кровопролитием и кровосмешением объясняли бесплодие земли.

Человеческие жертвоприношения

115. Мы только что видели, в каком смысле мифы сотворения, начинающегося или с изначальной целостности, или с иерогамии, воссоздаются в ритуалах Матери-Земли — ритуалах, которые включают в себя или ритуальное сочетание (копия иерогамии) или оргию (регрессия до изначального хаоса). Нам остается теперь рассмотреть несколько обрядов, имеющих отношение к другому мифу Сотворения, который раскрывает перед нами таинство Сотворения плодоносящих растений через принесение в жертву хтонической богини. Сейчас существуют доказательства наличия человеческих жертвоприношений почти во всех земледельческих религиях, хотя такие жертвоприношения в большинстве случаев стали лишь символическими.
116. Земля становится богиней Смерти потому, что она представляется как всеобщее лоно, неистощимый источник всего творения. Смерть, сама по себе, не является определенным концом или абсолютным уничтожением, как иногда считается в современном мире. Смерть приравнивается к семени, которое засеивается в чрево Матери-Земли, чтобы дать рождение новому растению. Поэтому можно говорить об оптимистическом взгляде на смерть, так как она считается возвратом к матери, временным возвращением в материнское чрево. Вот почему тела, захороненные в период неолита, находят лежащими в зародышевом положении. Умерших располагали на земле таким же образом, как размещается и зародыш в матке, будто ожидали, но они вернутся к жизни снова и снова. Как повествует нам японский миф, Мать-Земля умирает первой. Но эта смерть Изанами была в то же самое время и жертвоприношением, принесенным для того, чтобы развить и расширить Творение. Отсюда и люди в своей смерти и погребении были жертвоприношениями Земле. В конечном итоге, именно благодаря этому жертвоприношению может продолжаться жизнь и люди надеются после смерти вернуться обратно к жизни. Пугающий аспект Матери-Земли как Богини Смерти объясняется космической неизбежностью жертвоприношения, которое лишь одно позволяет перейти от одной формы существования к другой, а также обеспечивает непрерывный круговорот Жизни.

Заглатывание чудовищем

VIII. Таинства и духовное возрождение

Австралийская космогония и мифология

117. Караджери не считали, что имеют право сами вмешиваться в историю — делать так называемую «самобытную» историю. В целом же, они не признают самобытности: они повторяют типичные действия, имевшие место на заре времени. Но так как эти типичные поступки совершались богами и божественными существами, их периодическое и обязательное повторение для архаического человека выражает его желание оставаться в священной атмосфере космогонии. Фактически, отрицание самобытности равнозначно

отрицанию мирского мира, отсутствию интереса к человеческой истории. Существование архаического человека, в конечном счете, заключается в постоянном повторении типичных моделей, проявившихся в начале Времени. Как мы сейчас увидим, мистерии увековечиваются периодическим воссозданием этих изначальных проявлений.

118. До этого Багаджимбири не знали ничего. После этого братья увидели животных и растения и дали им имена. И с этого момента растения и животные, так как они уже имели имена, начали действительно существовать.

Инициация Караджери

119. <...> лес является символом потустороннего: мы встретимся с этим еще много раз в обрядах и таинствах инициации примитивных народов.

Таинство и инициация

120. Вот почему его семья плачет и причитает: когда он [иницируемый — Н.Д.] вернется из лесу, он будет другим; он больше не будет тем ребенком, что был раньше. Как мы только что видели, он пройдет ряд иницирующих испытаний, которые заставят его встать перед лицом страха, мучений и страданий, но которые, прежде всего, заставят его принять новый образ существования — образ, соответствующий взрослому, а именно: тот, что обуславливается одновременным откровением священного, смерти и сексуальности.
121. Не следует воображать, что австралийцы осознают все это или что они изобрели таинство инициации сознательно и добровольно, как мы — систему современной педагогики. Их поведение, как и поведение всего архаического человечества, экзистенциально. Австралийцы поступали таким образом, потому что в глубине своей души они ощутили свое специфическое положение во Вселенной — то есть осознали таинство человеческого существования. Это таинство, только что упомянутое нами, относится к восприятию священного, к откровению сексуальности и осознанию смерти.
122. Повсюду мы встречаемся с таинствами инициации, и повсюду, даже в самых архаических обществах, они включают символизм смерти и нового рождения.
123. Охота за головами и некоторые формы каннибализма являются частями инициации одного и того же плана. Прежде чем выносить моральный приговор этим обычаям, следует вспомнить, что убить человека и съесть его или сохранить его голову в качестве трофея означает проимитировать поведение духов или богов. Так, по своей сути, это действие оказывается религиозным, ритуальным. Неофит должен убить человека, потому что до него так сделал бог. Более того, он, неофит, только что сам был убит богом во время инициации. Он познал смерть. Он должен повторить то, что ему было открыто таинство, введенное богами в мифические времена.
124. Мы упомянули о ритуале такого типа, потому что он играл очень значительную роль в военных инициациях, прежде всего, в протоисторической Европе. Воин-герой убивает не только драконов и других чудовищ, он убивает и людей. Героическая дуэль — это жертвоприношение. Война — это декадентский ритуал, в котором богам победы приносятся бесчисленные жертвы.

«Мужские общества» и тайные общества

Значение страдания в инициации

125. Каково же может быть значение этих пыток? Первые европейские наблюдатели обычно говорили о природной жестокости туземцев. Однако это не является объяснением. Туземцы жестоки не более, чем люди цивилизованные. Однако для каждого традиционного общества страдание имеет ритуальное значение, так как считается, что пытка осуществляется сверхчеловеческими существами и ее целью является перерождение жертвы. Сама по себе пытка — это выражение иницирующей смерти. Когда человека мучают, это означает, что

его разрезают на куски демоны-мастера инициации, что его убивают расчленением. Давайте вспомним, как мучили дьяволы св. Антония. Его поднимали в воздух, душили под землей, истязали его плоть, выворачивали конечности и резали на куски. Христианское учение называет эти пытки «искушением св. Антония» — и действительно, до некоторой степени это искушение приравнивается к испытаниям посвящения. Победно выстояв все эти испытания — то есть не поддавшись всем этим «искушениям» — монах Антоний становится святым. Другими словами, он «убивает» того непосвященного человека, каким он был, и снова возвращается к жизни другим, возрожденным человеком, святым. Но с нехристианской точки зрения это также означает, что демоны добились своей цели, которая и заключалась в том, чтобы «убить» непосвященного человека и дать ему возможность возродиться. Идентификация сил зла с христианскими дьяволами лишила их всех положительных функций в организации спасения. Но до христианства демоны, кроме всего прочего, были еще и мастерами инициации. Они хватали неопитов, мучили их, подвергали большому числу испытаний и, в конце концов, убивали, чтобы они могли родиться снова, возрожденные как телом, так и душой. Существенно, что демоны выполняют ту же иницирующую функцию в искушении св. Антония, так как, в конце концов, именно их пытки и «искушения» представляют св. Антонию возможность достичь святости.

«Женские мистерии»

126. Разгульный характер этого женского таинства объясняется необходимостью периодического отбрасывания тех норм, что регулируют мирское существование — другими словами, необходимостью временно уйти от действия закона, который мертвым грузом давит в повседневности, и снова войти в состояние абсолютной непосредственности.

Женские тайные общества

127. Девушка или посвященная женщина начинает осознавать святость, которая исходит из самых глубин ее существа. И это сознание, каким бы смутным оно ни было, выражается в символах. Именно в «реализации» и «претворении в жизнь» этой святости женщина находит духовный смысл своего собственного существования. Она чувствует, что жизнь в одно и то же время является реальной и священной, то есть не просто бесконечным рядом слепых, психофизиологических автоматизмов, бесполезных и, в конечном счете, абсурдных.
128. Но речь здесь всегда идет о смерти по отношению к чему-то, через что нужно переступить, а не о смерти в современном, лишенном смысла священности, понятии. Человек умирает, чтобы трансформироваться и достичь более высокого уровня существования.
129. Мы знаем, что некоторые сестринские общины такого типа просуществовали длительное время — как, например, ведьмы средневековья в Европе со своими ритуальными встречами и «оргиями».

Заглатывание чудовищем

130. Не может быть никакого сомнения, что рыба, которая проглатывает Иону и других мифических героев, символизирует смерть; ее брюхо представляет Преисподнюю. В средневековых представлениях Преисподняя часто рисовалась как огромное морское чудовище, которое, вероятно, имело своим прототипом библейского Левиафана. Поэтому быть проглоченным им равнозначно смерти, спуску в Преисподнюю — переживанию, которое явно подразумевается всеми примитивными обрядами инициации, теми, что мы обсуждали. Но с другой стороны, спуск в брюхо чудовища означает также возвращение в доформенное, зародышевое состояние существования. Как мы уже говорили, темнота, царящая внутри чудовища, соответствует космической ночи, Хаосу, предшествующему сотворению. Другими словами, здесь мы имеем дело с двойным символизмом: символизмом смерти, а именно: завершением мирского существования, а следовательно, и концом времени; и символизмом возврата к зародышевой форме существования, которая

предшествует всем остальным формам и любому мирскому существованию. На космологическом уровне этот двойной символизм относится к *Urzeit* и *Endzeit*.

Символизм смерти в инициации

131. Из этого следует, что во всех контекстах инициации смерть имеет совсем не то значение, что мы обычно склонны придавать ей. Прежде всего, она означает, что человек ликвидирует прошлое и ставит точку на одном существовании, которое, как и все мирское существование, является провалом, чтобы начать снова, возродившись в другом. Таким образом, смерть в инициации никогда не является концом, а является еще одним началом.

Неожиданное открытие: пробная попытка

IX. Религиозный символизм и беспокойность современного человека

132. Достаточно будет указать, что некоторые психологические школы используют сравнения различных типов цивилизаций, чтобы лучше понять структуру психики. Директивный принцип этого метода заключается в следующем: раз человеческая психика имеет историю, и следовательно, не может быть полностью разъяснена изучением ее теперешнего положения, то, значит, вся ее история и даже предыстория, должна быть различима в том, что мы называем ее фактическим состоянием. Этого краткого упоминания методов, применяемых аналитическими психологами будет достаточно, так как мы не намерены продолжать двигаться в том же направлении.
133. Следует привести в качестве примера лишь одну из наиболее характерных черт нашей цивилизациями, а именно — страстный, почти аномальный интерес современного человека к истории. Этот интерес проявляется двумя отличными, но взаимосвязанными путями. Во-первых, в том, что можно назвать страстью к историографии, желанием иметь более полные и точные знания о прошлом человечества и, прежде всего, о прошлом нашего западного мира. Во-вторых, этот интерес к истории проявляется в тенденции современной западной философии определять человека, прежде всего, обусловленным историческим существованием и, в конечном счете, созданным самой историей. То, что называется историзм *historismus*, *storicismo*, также как и марксизм, и некоторые экзистенциалистические школы, являются философией, которая в том или ином смысле приписывает фундаментальное значение истории и историческому моменту. К некоторым из этих философских течений мы вернемся, когда начнем рассматривать значение беспокойности в индусской метафизике. На данный момент мы ограничимся первым аспектом такого интереса к истории, то есть увлечением современного мира историографией.
134. Это сравнительно недавнее увлечение. Оно датируется второй половиной прошлого века. Верно, что со времен Геродота греко-латинский мир занимался написанием истории. Но это не та история, что была написана, начиная с девятнадцатого столетия, целью которой являлось знать и описать как можно точнее все, что произошло с течением времени. Геродот, как и Ливии и Орозий и даже как историки Ренессанса, писал историю для того, чтобы сохранить примеры и модели и передать их нам для подражания. Но уже прошло столетие, как история больше не является источником типичных моделей. Она стала научной страстью к исчерпывающим знаниям о всех событиях, произошедших с человечеством; стремлением воссоздать все прошлое человеческого рода и донести его до нас. Такого типа интерес мы не встречаем больше нигде. Практически все неевропейские культуры не имеют исторического самосознания. И даже если в них есть традиционная историография — как в случае Китая или стран исламской культуры — ее функция всегда заключается в предоставлении типичных моделей.
135. Боль перед Небытием и Смертью, похоже, является специфичным для современности явлением. Во всех остальных, неевропейских культурах, то есть в других религиях, Смерть никогда не представляется как абсолютный конец или как Небытие: она считается, скорее, обрядом перехода к другой форме существования. И по этой причине к ней всегда

обращаются в связи с символизмом и ритуалами инициации, возрождения или воскрешения. Это не говорит о том, что не-европейцы не испытывают ощущения боли перед Смертью. Эта эмоция, конечно же, присутствует, но не как что-то абсурдное или бесполезное. Напротив, ей придается самое высокое значение, как переживанию, неотделимому от достижения нового уровня существования. Смерть — это Великая Инициация. Но в современном мире Смерть лишается своего религиозного значения. Вот почему она приравнивается к Небытию. А перед Небытием современный человек бессилён.

136. Интересно также посмотреть, как Небытие оценивается религиями и метафизикой Индии, так как проблема Бытия и Небытия справедливо считается особенностью индусской мысли.
137. Как мы только что говорили, у христиан и в не-христианских религиях Смерть не приравнивается к идее небытия. Конечно же, Смерть является концом — но концом, за которым сразу же следует новое начало. Человек умирает по отношению к одной форме существования для того, чтобы иметь возможность достичь другую. Смерть представляет собой резкую смену онтологического уровня и в то же самое время ритуал перехода точно так же, как рождение или инициация.
138. «Бытие и время» — по названию основного труда М. Хайдеггера, а именно то, что темпоральность всего человеческого существования неизбежно порождает беспокойность и боль.
139. <...> осознание космической иллюзии в Индии не означает открытия того, что все — это Ничто, а просто то, что ни одно переживание в мире или Истории не имеет никакой онтологической вескости, а следовательно, что наше человеческое состояние по своей природе не должно считаться концом. Но когда индус это осознал, он не отошел от мира: если бы он это сделал, то Индия уже давно бы исчезла из Истории, так как концепция майя принимается значительным большинством индусов. Осознание диалектики майя не обязательно ведет к аскетизму и отказу от всего социального и исторического существования. Это состояние осознанности обычно находит свое выражение в совершенно иной позиции; в позиции, раскрываемой Кришной перед Арджуной в Бхагавадгите, заключающейся в том, чтобы оставаться в этом мире и разделять Историю, но хорошо позаботиться о том, чтобы не приписывать истории никакой абсолютной ценности. Бхагавадгита раскрывает перед нами не приглашение отречься от истории, а предостерегает от ее идолизации. Вся индийская мысль настаивает именно на этом положении, заключающемся в том, что состояние неведения и иллюзии является результатом не существования в Истории, а верования в ее онтологическую реальность. Как мы уже говорили, хотя мир и является иллюзорным — так как находится в состоянии постоянного становления — тем не менее, он является божественным творением. Мир действительно священен; но парадоксально то, что человек не может разглядеть этой священности мира, пока не обнаружит, что это божественный спектакль. Незнание, а отсюда беспокойность и страдания навсегда сохраняются абсурдной верой в то, что этот непрочный и иллюзорный мир представляет конечную действительность. Сходную диалектику мы находим и в отношении Времени.

Конец текста